

© 2019 г.

С. Е. ПАУЛСОН (США)

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В АМЕРИКАНСКИХ СЕМЬЯХ В ПЕТЕРБУРГЕ в XIX веке (по дневникам и воспоминаниям родителей)

Паулсон Светлана Евгеньевна — доктор истории, Университет Южного Арканзаса (Магнолия, США).

DOI: 10.31857/S013038640004849-1

Приехав в чужую страну на длительный срок, иностранец вынужден адаптироваться к условиям жизни в ней. Он превращается в наблюдателя, изучающего местные традиции и повседневный уклад. Нередко такой «сторонний» наблюдатель обращает внимание на детали повседневности, которые уроженцы культурной среды в силу привычки не замечают. Особенно чутки к местным традициям, как правило, родители, выехавшие за границу с детьми и отвечающие за их благополучие на чужбине. Для историка Петербурга XIX в. мемуары родителей-иностранцев представляют собой настоящий клад: данные о жизни города. Воспоминания французов, немцев и англичан получили достаточно широкое освещение в исторической литературе. Вместе с тем немало мемуаров родителей-американцев, в особенности женщин, еще ждут рассмотрения.

По сравнению с европейцами представителей США, приезжавших в Россию на длительный срок с семьями, было немного. В основном это дипломаты или бизнесмены, в число которых входил, например, известный предприниматель Джордж В. Уистлер. Решаясь везти своих чад в Петербург, американцы шли на большой риск: трансатлантическое путешествие в XIX в. являлось серьезным испытанием для ребенка, и дети, случалось, умирали в дороге. Но волновались родители-американцы не только по поводу самого путешествия. Задавались и вопросом о том, смогут ли достойно устроить семью в городе, считавшемся одной из самых дорогих и блистательных столиц Европы. Как они, люди, непривычные к жизни в империи, будут воспитывать своих отпрысков в чужеродной среде? В данной статье мы рассмотрим, как представители заокеанской державы справлялись с подобными задачами и какие подробности о родителях и детях в императорском Петербурге содержат их воспоминания и дневники.

По приезду в Петербург первоочередной задачей американцев был поиск съемного дома или квартиры. Их осмотр повергал заокеанских гостей в состояние шока. Столкнувшись с непривычно суровым климатом, они с трудом приспосабливались к местным традициям, связанным с уходом за жилищем, и особенно с температурным режимом. По мнению американцев, из-за этого даже дорогие апартаменты становились непривлекательными. Вот какой суровый приговор вынес петербургским домам Герберт Хагерман, служивший в 1898 г. секретарем посольства: «Что касается домов и квартир, то они пахнут, как грязный товарный вагон, который не открывали полгода. Они надежно закупорены на всю зиму. Шесть месяцев в году окна состоят из двух, а иногда трех рам. Между рам насыпают песок, чтобы не дуло. Затем остальные щели заклеивают бумагой или материей, дабы избежать сквозняков»¹. Детские

¹ *Hagerman H. Letters of a Young Diplomat. Santa Fe — New Mexico, 1937, p. 58–59.*

комнаты в Петербурге обычно располагались на верхнем этаже, куда поднимался теплый, но и спертый воздух. Родители-американцы, считавшие, что проветривать надо регулярно, боялись, что проживание в столичных помещениях плохо скажется на здоровье детей. Секретарь миссии Джон Лотроп Мотли переживал за семьи коллег и радовался, что свою оставил на родине: «Для меня огромное утешение думать о том, что [мои] дети не здесь, что они не заперты в этих душных, отапливаемых печью, непрветриваемых комнатах с двойными окнами»².

За температуру в петербургских домах отвечали няни и гувернантки. Американцы полагали, что с иностранками, выполняющими эти обязанности, будет проще договориться об изменениях в домашнем режиме, чем с русскими. У послов США служили женщины из Финляндии, Швеции, Прибалтики. Дочь Клифтона Брекинриджа Мэри вспоминала исключительную исполнительность и преданность нянюшки-финки Ииды³. Любопытно, что, сами того не ведая, в воспоминаниях американцы затрагивали вопросы, которые обсуждались в медицинских и наиболее просвещенных родительских кругах Петербурга. С середины XIX в. врачи столицы повели кампанию, направленную на пропаганду гигиены жилища, и в ходе ее подчеркивали необходимость свежего воздуха в помещениях. В медицинских пособиях по уходу за детьми появилась критика родителей, которые нанимали нянь, несведущих в гигиене и не желавших прислушиваться к советам врачей. Печатались и руководства для гувернанток о том, как работать с родителями, в домах которых нужны перемены: «Вооружитесь всеми доводами против тех родителей, которые помещают своих детей в тесных и низеньких комнатах... куда едва проникает свет, а еще меньше — чистый воздух, так что атмосфера там никогда не освежается и до того становится удушливою и вредною, что чрезвычайно пагубно отзываясь на здоровье тех, кто дышат ею»⁴. В некоторых медицинских пособиях в пример русским ставились иностранные няни и гувернантки, делавшие все по последнему слову науки.

Иностранок американцы нанимали не только в надежде, что с ними будет проще найти общий язык. Женщин из Скандинавии и Прибалтики, например, предпочитали и по финансовым соображениям. В Петербурге XIX в. сложилась своя шкала оплаты. Услуги русских стоили дешево, но престижными не считались. Выгодные контракты предлагали французам, которые слыли утонченными европейцами. Особенно ценились французские гувернантки и гувернеры. Столичные родители полагали, что они привьют их чадам непринужденность манер, легкость в общении, умение изысканно одеваться, и эти качества пригодятся сыновьям в дальнейшей карьере, а дочерям — при заключении брака⁵. Труд англичан и немцев также оценивался достаточно высоко. Они не обладали лоском французов, но славились своей надежностью и педантичностью. Жители скандинавских стран и Прибалтики считались провинциалами, и их нанимали, как правило, родители, стесненные в средствах.

Американцы местных представлений о престиже не одобряли. Они не видели смысла платить баснословные деньги французу, когда услуги высокого качества может предложить швед или финн. В семье Уистлеров учителем служил швед, прекрасно образованный и очень любивший детей. В своих письмах родным г-жа Уистлер неоднократно восхищалась его талантами⁶. Секретарь миссии США Джон Максвелл

² Motley J. L. The Correspondence of John Lothrop Motley. New York, 1900, p. 102.

³ Breckinridge M. Wide Neighborhoods: A Story of the Frontier Nursing Service. Lexington, 1981, p. 9.

⁴ Лесгилье А. Руководство для гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к нравам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870, с. 39.

⁵ Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX веков). М., 2007, с. 101, 218.

⁶ Pennell E. R. and J. The Life of James McNeill Whistler. Philadelphia, 1925, p. 9.

также считал, что квалифицированных специалистов можно найти среди европейцев разных национальностей, но был осторожнее г-жи Уистлер, предупреждая, что чересчур доверять европейцам все же не стоит. Не все они приезжали в Россию, чтобы честно служить, и среди них были авантюристы, желавшие манипулировать нанимателями в целях наживы или социального роста: «Высокое жалование такого рода людей и их близость к хозяевам раздувает их самомнение и порождает амбиции, которые, если их умело направить, непременно обеспечат им покровительство и признание»⁷. Конкретных примеров Максвелл не приводил. Коренным жителям Петербурга, впрочем, хорошо были знакомы иностранные гувернантки, приезжавшие в надежде устроить свою личную жизнь, в идеале — выйти замуж за богатого русского.

Судя по всему, такая гувернантка досталась в 1890-е годы посольской чете Брекинриджей. Г-жа Брекинридж вела хозяйство весьма экономно. Француженку она решила нанять с условием, что та возьмет на себя дополнительные услуги и будет обучать языку не только детей, но и хозяйку. Усердия в работе мадемуазель не проявляла. По вечерам, когда посол с супругой уезжал на дипломатические мероприятия, она оставляла детей одних, чтобы заняться личными делами. Дочь Брекинриджей Мэри писала, что ей приходилось часами сидеть в комнате одной, «заполняя страницы дневника жалобами на скуку»⁸. Прислуга в доме возненавидела мадемуазель и решила ее проучить. Вернувшись за полночь после отлучки в город, та напрасно звонила в дверь. Камердинер ее не впустил, а утром «с довольным видом» объяснил послу, что француженку не узнали⁹. Неудивительно, что надолго она у Брекинриджей не задержалась.

Сотрудники посла осуждали его за то, что тот выбирал домашних учителей без должного тщания. Военно-морской атташе Генри Т. Аллен советовал дипломатам, назначенным в Петербург, связаться с коллегами, работающими там, еще до отъезда из США — они помогут подобрать кандидатуры на должность гувернера или гувернантки заблаговременно¹⁰. Брекинридж совершил ошибку, отказавшись от помощи. Сам Аллен, находившийся в Петербурге с тремя детьми, изучал рекомендации учителей очень внимательно. Его семилетняя дочь Дженет была трудным ребенком — «вспыльчивым» и «упрямым»¹¹. Атташе опасался, что она будет подавлять младшего брата Генри. Г-же Аллен, несмотря на все усилия, держать детей под контролем не удавалось, и настоящим спасением стала опытная гувернантка мадемуазель Дессар — великолепный пример того, что среди француженок в Петербурге наряду с легкомысленными особами встречались и педагоги высшего класса. Дневник Аллена полон слов благодарности Дессар, которая нашла общий язык с детьми и сумела увлечь Дженет математикой. А Генри, отличавшийся слабым здоровьем, стал заниматься гимнастикой¹². Аллен с удовольствием записывал, как тот прибавляет в росте и весе.

Петербургский дневник атташе — свидетельство того, какие изменения XIX столетие внесло в представления о детстве и отношениях между детьми и родителями. По мнению историков детства, именно тогда под влиянием идей Просвещения XVIII в. оформились взгляды на ребенка не как на маленького взрослого, а как на человека, находящегося на начальном этапе развития. Распространение получили

⁷ Maxwell J. S. *The Czar, His Court and People: including a Tour of Norway and Sweden*. Whitefish (MT), 2006, p. 174.

⁸ Breckinridge M. *Op. cit.*, p. 12. Немка, работавшая у Брекинриджей, тоже с детьми по вечерам не сидела, но она много занималась домашним хозяйством.

⁹ Частная коллекция писем Кэтрин Брекинридж. Магнолия, Арканзас. — Архив автора (далее — КБ). Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 12 мая 1895 г.

¹⁰ Henry T. Allen Diary, 1894, October 15, 1894; Henry T. Allen Papers Collection. The Library of Congress Manuscript Division. Box 1, 1893–1895, p. 336.

¹¹ Ibid., August 1, 1894, p. 261; Henry T. Allen Diary, 1895, January 13, 1895, p. 60.

¹² Henry T. Allen Diary, 1894, June 20, p. 219.

предназначенные специально для детей одежда, книги, игрушки¹³. В обеспеченной среде появились так называемые «новые идейные родители» — имевшие прислугу, но принимавшие активное участие в воспитании своих чад¹⁴. Аллен, например, следил за работой домашних учителей, и сам водил детей по музеям, придумывал для них игры и праздники на природе, занимался с ними спортом.

Для семейных развлечений в Петербурге было много возможностей. Зимой американцам нравилось кататься на санях и посещать ледяные горки. Но больше всего им запомнились ледовые катки российской столицы. Многие представители США — как дети, так и взрослые — впервые ступили на лед именно там. Кассиуса М. Клэя восхитили площадки, которые устраивали на естественных водоемах¹⁵. Кроме того, катки заливали и в парках, и во дворах частных домов. Джон Фостер вспоминал, что «самые юные члены его семьи получали большое удовольствие от катания на коньках на вечеринках в частных парках, зарезервированных для знати и дипломатического корпуса»¹⁶. По словам посланника, на этих площадках царил праздничный атмосфера: играл оркестр, лед был красиво освещен, а в устроенных по соседству киосках предлагали чай с бутербродами. Самым престижным катком Петербурга считался Таврический, а семьям дипломатов вручали туда специальные приглашения. Американцы-родители, правда, порой стеснялись появляться в Таврическом прежде, чем уверенно научатся стоять на коньках. Кэтрин Брекинридж тренировалась на маленьком пяточке, залитом возле Англо-американской церкви. Она оставила любопытное свидетельство об этом дворовом катке: «Нам дали билеты в сад Таврического дворца — место столь же элитное¹⁷, сколь и красивое. Дети будут кататься там регулярно... но учиться там я не буду. Наш пастор любезно предложил мне воспользоваться своим задним двором, и я, наверное, соглашусь! К церкви примыкает небольшая школа, и он устроил во дворе небольшой каток для детей — место, как вы можете себе представить, еще более приватное, чем Таврический Сад»¹⁸!

В теплую погоду главным физическим упражнением юных американцев были прогулки. Прогулки с детьми считались одной из основных обязанностей гувернантки, и многие бонны, в особенности англичанки, относились к ним очень серьезно. Как вспоминал знаменитый уроженец Петербурга Мстислав Добужинский, маршруты ежедневных прогулок могли быть весьма продолжительны¹⁹. Его собственный, например, составлял более четырех километров. Уже в начале XIX в. американские родители отличались от представителей российского высшего света тем, что было для них в порядке вещей гулять со своими чадами. У семьи Адамсов, жившей у Невы в 1810—1814 гг., была няня. Однако посланник сам регулярно выводил своего сына Чарльза на променады по Английской набережной²⁰. Когда он был занят, с ребенком гуляли его жена и свояченица. В летнее время дипломаты переезжали на дачи, и прогулки продолжались уже за городом. Супруга Аллена Джини проходила с детьми «по меньшей

¹³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994, с. 53—54.

¹⁴ Подробно о понятии «новые идейные родители» см. *Веретенко В. А.* Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX — начало XX в.). — Царскосельские чтения, 2013, т. 1 (XVII), с. 21—29.

¹⁵ *Clay M. C.* *Memoirs, Writings and Speeches*, v. I. Cincinnati, 1886, p. 362.

¹⁶ *Foster J. W.* *Diplomatic Memoirs*. Boston, 1909, p. 169.

¹⁷ Exclusive. Имеется в виду, что пускали туда далеко не всех.

¹⁸ КБ, 21 декабря 1894 г. Автор имеет в виду, что посещало этот каток-пяточок еще меньше людей, чем Таврический.

¹⁹ Подробно маршрут Добужинского обсуждается в: *Жуков К., Клубков Р.* Петербург без мундира. М., 2008, с. 46—47.

²⁰ *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848*, v. II. Philadelphia, 1874. p. 327.

мере, четыре—пять верст» за день, т.е. еще больше, чем Добужинский²¹. Популярным семейным развлечением на дачах возле Финского залива было и плавание. Поначалу, правда, местные традиции смущали заокеанских гостей: русские, как выяснилось, не стеснялись купаться голышом, а раздевались купальщики у воды или в кустах²². Дабы не травмировать психику своих отпрысков, перед выходом на пляж американцы научились предварительно осматривать местность.

На дачах «новые идейные родители» занимались с детьми не только активным отдыхом. На летнюю пору приходился День независимости США, и дипломаты сочли, что это великолепный повод для патриотического воспитания. 4 июля Аллен организовал для сотрудников теннисный турнир, за которым следовал ужин с множеством праздничных тостов. В педагогических целях детей заставили «выпить за Соединенные Штаты, за президента, за память о Вашингтоне и за день, который мы отмечаем». С сожалением Аллен признал, что ребятишки были слишком малы и смысл происходящего остался им непонятен: «Я несколько раз объяснял им причину нашего праздничного вечера, но, боюсь, особого впечатления это не произвело»²³.

То, что родители составили программу праздника с расчетом на участие малышей, было характерным для XIX столетия. Все более популярными становились мероприятия и праздники, организованные специально для детей. К таковым относились, например, дни рождения. В 1894 г., когда сыну исполнилось пять лет, Аллены пригласили его друзей на дачу, где для именинника и маленьких гостей были устроены домашняя «иллюминация» и торжественный «чай» по американской традиции, а гурвернанткам был накрыт стол на веранде²⁴.

Не пренебрегали представители США и местными мероприятиями для юного поколения, среди которых одним из главных был детский бал. В жизни знатных петербуржцев балы представляли собой целый мир, и ездили туда не только за тем, чтобы развлечься. Присутствие на балах служило признаком высокого статуса семьи, там заводились важные знакомства, зачастую решались личные и деловые вопросы. Детские балы рассматривались как подготовка отпрыска к вступлению в высший свет, а поскольку иностранные дипломаты были вхожи в дома петербургской элиты, их детей приглашали на подобные мероприятия. Американцы принимали приглашения, полагая, что появление их ребенка на балу позитивно скажется на имидже миссии.

Приготовление к балу, правда, создавали массу проблем. Детские балльные наряды, как и взрослые, стоили дорого, и семьям дипломатов, чьи финансовые возможности были невелики, с трудом приходилось изыскивать средства на их покупку. Особенно тяжело в этом плане пришлось семье Адамса, приехавшего в Россию в качестве первого официального посланника США. Появление американцев вызвало любопытство высшего света, в результате чего посланник, его супруга, свояченица и сын оказывались на балах достаточно часто. На собственных туалетах г-жа Адамс сэкономила, а вот трехлетнего Чарльза стремилась одевать в самое лучшее. Благодаря ее безупречному вкусу малыш покорила петербуржцев. Приехав на бал зимой 1809 г. в костюме индейского вождя, он произвел настоящий фурор и был встречен бурей аплодисментов. Впоследствии весьма удачными получились его наряды пажа, юного Вакха и Фигаро²⁵.

Поскольку Чарльзу было всего три года, учитель танцев ему пока не требовался. Как вспоминал известный балетмейстер А. П. Глушковский, занятия обычно начинали лет с восьми-деяти. В среде петербургской знати считалось, что учитель ребенку

²¹ *Henry T. Allen Diary*, 1894, October 3, 1894, p. 324.

²² *Ibid.*, July 8, 1894, p. 237.

²³ *Ibid.*, June 22, 1894, p. 221.

²⁴ *Ibid.*, July 30, 1894, p. 259.

²⁵ *Adams L. C. The Adventures of a Nobody. — Diary and Autobiographical Writings of Louisa Catherine Adams. V. I. 1778—1815. Cambridge (Mass.), 2013, p. 303, 326, 339.*

необходимо, дабы привить не только танцевальные навыки, но и осанку, служившую визитной карточкой в высшем свете. Педагог давал своим питомцам уроки, а также приезжал поддержать их на балу: «На балы почти всегда приглашали... учителей танцев, о них более всего заботились дети, уверяя своих родителей, что им смелее будет танцевать при учителе»²⁶. Аллены, активно вращавшиеся в высших кругах Петербурга, решили, что детям не помешает заняться танцами раньше, чем принято: их сын начал обучение с шести лет, а дочь — с семи²⁷. Серьезно отнеслись к урокам для своих девочек и Далласы — весьма состоятельная семья, блиставшая на балах и званых вечерах российской столицы. В программу званых вечеров нередко включали детские танцы. Судя по воспоминаниям Далласа, его чада показали себя там достойно²⁸.

Петербургцы не хотели, чтобы дети воспринимали бал как простую демонстрацию выученных дома уроков: от него должно было остаться ощущение праздника. Для этого в программу включали игры и развлечения. Луиза Адамс вспоминала, что весьма популярной являлась веселая игра-лотерея, посредством которой малышам дарили игрушки — «необыкновенные и дорогие». Правда, воспользоваться ими ее сын не смог: Джон К. Адамс считал, что семьи дипломатов ни от кого не должны брать подарков. Дабы маленький Чарльз не обиделся, его потихоньку уводили с бала, как только начинались приготовления к лотерее²⁹.

Уроженцы царской столицы не раз тепло отзывались о лотереях игрушек, а магазины и лавки города считали волшебным игрушечным царством. Заветными адресами для детей были угол Литейного и Симеоновской, а также Караванная д. 14, где находились магазины Девишина и Пето³⁰. Невозможно сказать, делали там покупки представители США или нет, поскольку в их мемуарах эти места не упомянуты. Однако известно, что главный центр торговли города на Неве — Гостиный двор — притягивал юных американцев словно магнит. Особенно заманчиво он выглядел в праздник Вербного воскресенья, когда возле гостиных аркад вырастали яркие ярмарочные палатки³¹. Игрушками торговали в это время как в специализированных магазинах (В. М. Дойникова и С. А. Соколовой), так и на ярмарке. Г-жа Уистлер призналась, что ее сыновья Джимми и Вилли с огромным нетерпением ожидали похода в Гостиный двор. Оказавшись там в Вербное воскресенье, «оба... мальчика были в полном восторге», а Джимми сильно удивил русских «бурным выражением радости»³².

Джордж М. Даллас, посетивший ярмарку у Гостиного в 1838 г. за несколько лет до Уистлеров, был поражен изобилием игрушек и решил, что Вербное воскресенье в России отмечается как детский праздник³³. Торговцы Петербурга внимательно следили за появлением детских товаров-новинок и быстро налаживали их продажу. Среди прочего они предлагали большой выбор «развивающих» игрушек — тех, которые в большей степени, чем обычные куклы, способствовали раскрытию творческого потенциала ребенка, его интеллектуальных способностей. С некоторыми из таких игрушек американцы познакомились в России. Популярностью в столице, например, пользовались «китайские тени» — набор для игры в кукольный театр. Вместо марионеток в нем использовались куклы, которые нужно было вырезать и наклеивать на картон. Такой театр давал простор творчеству и фантазии ребенка. В то время как малышам отводилась роль зрителей, дети постарше могли участвовать в изготовлении кукол

²⁶ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. Л. — М., 1940, с. 192, 123.

²⁷ Henry T. Allen Diary, 1895, January 13, 1895, p. 60.

²⁸ Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas While United States Minister to Russia 1837–1839, and to England 1856–1861. Philadelphia, 1892, p. 43.

²⁹ Adams L. C. Op. cit., p. 304.

³⁰ Об адресах детских магазинов подробнее см. Жуков К., Клубков Р. Указ. соч., с. 52–53.

³¹ Dallas G. M. Op. cit., p. 84.

³² Pennell E. R. and J. Op. cit., p. 7.

³³ Dallas G. M. Op. cit., p. 84.

и подготовке спектакля. Нередко представления показывали гостям. Луиза Адамс вспоминала, что маскарад, на который Чарльз выезжал в костюме Вакха, завершился спектаклем театра теней³⁴.

Приобщались юные американцы и к любимому петербуржцами «волшебному фонарю» — предшественнику диапроектора. Вместо электрической в этом устройстве применялась керосинная лампа, которая мерцала и нещадно коптила, однако ощущения чуда нисколько не умаляла. В 1894 г. назначенный первым секретарем миссии США Герберт Пирс привез в Петербург двух детей. Семья быстро подружилась с Алленами. А поскольку Пирс был таким же заботливым отцом, как и Аллен, коллеги-дипломаты стали устраивать совместные развлечения для своих чад. На рождество 1894 г. они подарили малышам настоящий праздник, организовав шоу с проекциями «фонаря»³⁵.

Рождество в столице России американцы отмечали по-разному. Любопытные Аллены с удовольствием общались с петербуржцами. Их дети ездили на рождественскую елку в дом барона Н. А. Гревенца³⁶. Там было много интересного для ребенка: в гостиной, например, стояло чучело гигантского медведя, известное на весь Петербург. Брекинриджи в отличие от Алленов предпочитали справлять праздник в узком домашнем кругу. Но даже они решили, что местные традиции могут быть полезны детям. У состоятельных людей было принято дни дарить подарки прислуге на Рождество. Г-жа Брекинридж привлекла к раздаче подарков своих дочерей, надеясь, что это поможет привить им интерес к благотворительности³⁷.

Кэтрин Брекинридж серьезно занималась благотворительностью в США и, освоившись в Петербурге, продолжила свою деятельность. Она приняла участие в организации ярмарки иностранных товаров, выручка от которой пошла на оказание медицинской помощи безработным гувернанткам. Кроме того, она установила опеку над Домом малютки, открытым в городе шведскими медсестрами Грюндберг и Венберг. На благотворительные мероприятия американка нередко брала старшую дочь, чтобы та училась на ее примере.

В 1896 г. г-же Брекинридж на некоторое время пришлось отойти от общественной жизни — в связи с радостным событием: она родила сына. В царской столице дети появились на свет у нескольких американских семей. Например, в 1811 г. у Адамсов родилась дочь, в 1830-х годах — сын и дочь у семьи поверенного в делах США в России Джона Рэндолафа Клэя, а в 1892 г. — дочь у Алленов³⁸. О том, как разрешались от бремени жены Клэя и Аллена, сведений не сохранилось. Г-жа Адамс в дневниках об этом моменте умолчала и лишь выразила восхищение красотой своей новорожденной. Сведения о родах Кэтрин Брекинридж в Петербурге и об уходе за малышом являются уникальными, хотя, к сожалению, и отрывочными. Стать матерью Кэтрин должна была уже в четвертый раз, и готовилась она к этому спокойно и деловито. Заранее были наняты два врача и акушерка — мадам Кучнова, которая и приняла роды. Поскольку все прошло хорошо, без осложнений, вмешательства врачей не потребовалось. Любопытно, что объясняясь на ломаном французском, в процессе подготовки к родам американка и русская легко сумели прийти к согласию по всем вопросам за исключением одного — необходимости установить в комнате самовар. Разговор на эту тему стал у Брекинридж семейной легендой. Зная о любви петербуржцев к чаю, американка распорядилась, чтобы привратник приносил его акушерке по звону колокольчика. «Мадам Кучнова покачала головой и сказала, что хочет, чтобы самовар был на столе у нее под рукой... она привыкла пить чай, когда пожелает... не ожидая

³⁴ Adams L. C. Op. cit., p. 327.

³⁵ Henry T. Allen Diary, 1894, December 24, 1894, p. 406.

³⁶ Ibid., December 30, 1894, p. 412.

³⁷ Breckinridge M. Op. cit., p. 17.

³⁸ Oeste G. I. John Randolph Clay: America's First Career Diplomat. Philadelphia, 1966, p. 159, 164.

привратника. На это моя мама ответила: "У меня нет самовара". Тогда мадам Кучнова всплеснула руками и воскликнула: "У меня на глазах появилось на свет много детей, но без самовара — ни одного!" Поскольку для моей матери это был четвертый ребенок, она заявила мадам Кучновой, что знает по собственному опыту: детей можно рожать без самовара"³⁹.

В США Брекинридж пользовалась услугами кормилицы, но в Петербурге от них отказалась, объясняя это тем, что берет пример с российской императрицы Александры Федоровны, которая после рождения в 1895 г. княжны Ольги решила кормить грудью сама⁴⁰. Американка восхищалась императрицей, и, возможно, та оказала на нее влияние. Однако, в отличие от Александры Федоровны, Брекинридж беспокоилась не только о здоровье ребенка, но и о финансах семьи. В последней трети XIX в. помимо жалования петербургские наниматели предоставляли кормилице отдельную комнату в доме, стол, нарядную «униформу» — кокошник и сарафан — «рубашки, юбки, чулки, передники, платки носовые... большой байковый платок, шубу... сапоги "сколько сносит"»⁴¹. Нередко ей давали даже собственную прислугу. В конце века в России была эпидемия сифилиса, и в связи с этим жалование кормилиц, чье здоровье прошло медицинское освидетельствование, существенно возросло. Брекинриджам подобные расходы оказались не по карману.

Что касается предметов ухода за младенцем, то некоторые из них американку удивили. Самым непривычным оказалось то, что петербурженки детей «привязывали к маленьким матрасам»⁴². Процесс, упомянутый Кэтрин и Мэри Брекинридж, выглядел так: младенца «укладывали... на специально сшитый тюфячок, который состоял из матрасика и чехла. В чехол вкладывалась маленькая подушка. Тюфячок должен был защищать ребенка от холода и давать опору спине и голове в тот момент, когда его берут на руки. По бокам у тюфячка были прикреплены тесемки, с помощью которых надо было зафиксировать положение ребенка. Привязанного ребенка можно было спокойно, ничего не опасаясь, переносить с места на место»⁴³. Брекинридж приобрела матрас, хотя привязывать сына не стала. Заботиться о младенце ей помогала исполнительная нянюшка Иида — финка, уже работавшая в семье. Мэри с большим любопытством наблюдала за тем, как Иида ухаживает за ее маленьким братиком, и в мемуарах призналась, что именно эти дни в Петербурге предопределили ее карьеру, пробудив интерес к акушерству и педиатрии. В 1925 г. в США Мэри Брекинридж основала Общество сельских медсестер, целью которого было оказание акушерской помощи.

Судя по воспоминаниям американцев, время, проведенное в столице России, было запоминающимся, необычным периодом их жизни. Для их семей встреча с Петербургом стала встречей с городом, где непривычно было все — и суровый климат, и монархическая культурная среда, требующая от подданных соответствия «чину». Их рассказы о том, как петербуржцы готовили к зиме свои дома и особенно детские комнаты — ценный источник для историка, которого интересуют проходившие в XIX в. на Неве дебаты о гигиене жилища. Любопытно, что сообщения американцев о необходимости улучшить вентиляцию детских помещений полностью совпадали с мнением российских «новых родителей». Хотя жилищные условия в Петербурге заокеанских гостей не впечатлили, улицы, парки и водоемы города им полюбились: как дети, так и родители с удовольствием ездили на санях, совершали пешие прогулки, посещали

³⁹ Breckinridge M. Op. cit., p. 2.

⁴⁰ Ibid., p. 1.

⁴¹ Веремко В. А. Взаимоотношения родителей и детей в дворянских семьях России. Вторая половина XIX — начало XX вв. Этапы эволюции. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 23. М., 2008, с. 205.

⁴² Breckinridge M. Op. cit., p. 1.

⁴³ Плетнева А. А. Как рожали, кормили, купали и пеленали младенцев в дореволюционной России. Лекция 2 марта 2016 г. — <https://www.pravmir.ru/mladenchestvo-video-1/> / А. А. Плетнева — старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ледяные горки и учились кататься на коньках. О своих семейных развлечениях они оставили весьма колоритные записи. В столице американские дети приобретали не только новые спортивные навыки. Как и их сверстники из местной элиты, они занимались танцами и иностранными языками. Однако при найме учителей родители из США руководствовались не аристократическими представлениями о престиже, а оценкой качества предлагаемых услуг. Находясь в сердце империи, американцы не забывали, что являются гражданами республики, и старались привить своим чадам уважение к родному государству, отмечая национальные праздники. В целом представители США успешно приспосабливались к жизни и воспитанию детей в северной столице, научившись сочетать собственные традиции с полезными навыками, приобретенными у петербуржцев. Их мемуары и дневники заслуживают подробного изучения историками детства как в России, так и в США.